

НЕОДОЛИМОЕ ПРОРОЧЕСТВО*

Настолько автоматически, скороговоркой повторяют: «Россия — особая, евразийская цивилизация» или «Россия — соединительное звено, мост меж Востоком и Западом», причем без объяснений и иллюстрирующих примеров, что порой опасаясь: а вдруг части аудитории и вправду привидится мост с опорами и перилами? Или звено, допустим, цепи, не дай бог, кандалной! Иногда повторяют вполне благожелательно, что-де «именно Россия, мост между Востоком и Западом, даст ответ на главные вопросы/вызовы современности/истории».

Религия — важный ген, печать «татарского генома», столь отличающий русско-татарское государство, цивилизацию от других. Возразят: а что тут особого? Татары (кроме православных кряшен, мишарей) — мусульмане, как те же арабы. Разница, однако, значительная — не в религиях, а в месте религий в менталитете, психологической конституции, народных традициях, влияющих не на ислам, но на стиль его «отправления».

Не сравнивая «меру правоверности», вспомним примеры: на приезжих из мусульманской Татарии Акчуриных (родителей будущих генерала Расима и кардиохирурга Рината) нападали мусульмане узбекского кишлака. Конфликт традиций. Роль играет не только религия, но и Традиция (адат), что сказывается не только на «дресс-коде» (платки, паранджи, бороды).

Газеты 1990-х сообщали: «На Кавказе воюют за шариат и адат», сопровождая иногда этнографической справкой: «Чем выше в горы, тем больше удельный вес именно Адата». Ученые и исследователи давно подметили: роды более высокогорные, то есть более изолированные, более *самобытные*, большую часть жизни и отношений устраивают по адату.

Патриарх Ной (Нух) и традиции (адат)

Ветхий Завет донес до наших дней, пожалуй, самое удивительное и самое точно сбывшееся из библейских¹ пророчеств! В Книге Бытия (глава 10, стих 27) патриарх Ной (в Коране он — Нух и причислен к важнейшим пророкам «наби»²) пророчеству-

---

Игорь Николаевич Шумейко родился в 1957 году. Писатель, поэт, сценарист, лауреат нескольких премий, в том числе петербургских: «Александр Невский» (2012) и «Лучшая публикация журнала „Нева“» (2013). Роман «Вещество веры» («Нева», 2013, № 9), финалист премии «Независимой газеты» — «Нонконформизм-2014». Живет в Москве.

* Фрагменты книги «Судьба и Служба. Тюркские корни России».

¹ И не только библейских. Вряд ли найдется во всех мировых религиях и литературе подобное предсказание со столь ясно зафиксированными фактами его Обнародования и Подтверждения. И таким гигантским временным интервалом между «обнародованием» и «свершением».

² Сура 4 («Женщины»), аят 163, обращение к пророку Мухаммеду: «Воистину, внушили откровением Мы тебе, подобно тому, как внушили откровением Ною и пророкам (wa-n-набиййина) после него, и внушили откровением Аврааму...»

ет: «*Да распространит Бог Иафета, и да веселится он в шатрах Симовых; Ханаан же будет рабом ему*».

Богословы, начиная с Оригена, Иоанна Златоуста и до наших дней, толкуют это так: потомкам Сима — семитам напророчено стать основателями религий, а Иафету — широко распространиться по миру, соответствуя имени: *Распространяющийся*. И затем принять эти религии: «веселиться в шатрах³ Симовых». А упомянутый Ханаан — сын Хама, предок хамитов (то есть африканцев, живущих южнее Сахеля). Не следует к этому разделению относиться как к сугубо религиозному тезису. (Якобы для атеиста «Ной, Сим, Хам, Иафет все равно что эльфы, орки, нибелунги!»)

Нет, такое библейское, а затем и кораническое подразделение человеческих рас (языков) давно принято и вошло в научный обиход! Даже атеист, абсолютно не верящий в Ноя (Нуха), признает же разделение человечества на расы! Хотя нет, современный ультраполиткорректный либерал-атеист, глобалист предпочитает «не видеть» и «расистского разделения». А материалистам можно не вспоминать такие сомнительные события, как Потоп, сбор зверушек, Ковчег у Араратских гор. Но принять Сима, Хама, Иафета не как конкретных сыновей капитана кочега, седобородого Ноя, а как человеческие типы, эмблемы различных рас...

Энциклопедия Брокгауза—Ефрона (издание начала XX века, пик критического отношения к религиям, позитивизм, гигантские восторженные статьи о тогдашних антихристианских «апостолах» Дарвине, Ренане...) сухо подтверждает научность терминов, почерпнутых из Библии:

«Иафетические языки — то же, что индоевропейские. Этот редко встречающийся термин имеет параллельные: *семитические* и *хамитические* (африканские) языки (см.). В основе такой терминологии лежит библейское сказание о племенах, происшедших от трех сыновей Ноя: Сима, Хама и Иафета. Иафет — один из трех сыновей Ноя <...>. У него после потопа было семь сыновей (Быт. X, 1 и 2); его потомству Ноем предсказана была блестящая будущность. Потомки И. заняли Европу и страны Восточной Азии и хотя на поприще культурно-исторической жизни выступили позже других, но скоро стали во главе человечества. Иафетова, или Арийская, раса».

Между тем «*редко встречающийся термин*» можно увидеть и в популярных журналах и ежедневных газетах СССР 1940-х — начала 1950-х. Прямо посреди четвертой пятилетки, послевоенного восстановления, И. В. Сталин вдруг заспорил с профессором Марром (в рамках научной дискуссии «Марксизм и проблемы языкознания»). И рядом с тоннами чугуна, ходом посевной, давшими ток электростанциями в прессе замелькало: «*Это яфетические, а это семитические корни...*»

В книге «Бытие» поразительно точно предсказано основание семитами (евреями, арабами) трех мировых религий. Предсказано и своеобразное «разделение труда» в истории мира. Выражаясь по-современному, «*не в одни руки*» попало мировое религиозное и светское лидерство! Потрясающее и, по-моему, очень недооцененное пророчество. Уж не говоря о такой мелочи, как предсказанное Ноем/Нухом за несколько тысячелетий рабство хамитов, африканцев. Напомню, в чем уникальность этого пророчества: еще тысячи лет после Ноя и его слов, зафиксированных и официально опубликованных в Пятикнижии Моисея, в государствах Древнего Востока, Греции, Рима: рабство вообще *не имело расового измерения*: рабами делали соплеменников или воен-

³ Однажды в комментариях к 3-й Книге Царств, глава 12 (развал единого царства Израиля) встретил упоминание, что клич «По шатрам своим, Израиль!» часто переводили: «К богам своим!», основываясь на древней игре слов. Но «назначение» потомков Сима в основатели мировых религий — вывод богословов всего мира на основаниях более внушительных, чем мой случайный пример. Достаточно указать, что все пророки, признаваемые в иудаизме, христианстве, исламе, — семиты.

нопленных. До походов в Африку, пленения и *порабощения* именно хамитов дело дошло позже всего⁴.

Только через невероятно долгие века пророчество патриарха Ноя/Нуха догнало-таки хамитов. Это исключает столь частый вариант подгонки пророчеств под уже наметившиеся исторические факты и тенденции. Ноево предсказание было озвучено и записано в Библии за тысячелетия до фактического исполнения.

Арабы, правда, немного ловчат, натравливая африканцев на европейцев — «белых потомков гнусных работорговцев». Простодушные афроамериканцы их слушают, создают в США кучу воинственных негритянских организаций вроде «Нации ислама», знаменитый боксер Кассиус Клей становится Мохаммедом Али, тысячи его соплеменников, отбрасывая христианские, «колонизаторские» имена, перекрещиваются в Карим Абдул Джабаров. Арабы просто «забыли» дорассказать, что для африканцев первыми рабовладельцами и работорговцами были именно они. Знаменитые «*зинджи*» («рабы» в арабской литературе) происходят от названия африканского острова Занзибар. Уроженцы Восточной Африки были арабским товаром на протяжении 800 лет, до первого появления на этом рынке европейцев (сначала португальцев). Главная историческая вина португальцев в том, что они оказались гораздо боевитее остальных: дошли до Персидского залива, разгромили арабов и вырвали из их рук *их 800-летний бизнес*.

Вышесказанное может показаться антиарабской критикой, но, надеюсь, дальнейшее изложение скорее вызовет понимание, даже сочувствие к арабам. Для этого обратимся ко второй части пророчества Ноя/Нуха⁵. Его исполнение — самое поразительное и недооцененное событие во всей мировой истории. Разделение рас, семитического и яфетического человеческих типов, восходит к какой-то изначальной структуре человеческого рода. Вышеупомянутое «разделение труда» Сима и Яфета, «*не в одни руки*» попавшее религиозное и светское лидерство, блестяще продемонстрировали семиты евреи и арабы. Успешные походы, основания халифатов — все мелькнуло на один миг, именно на миг распространения ислама. Чисто военная составляющая того семитского успеха теряется на фоне религиозного триумфа, обращавшего в их преданных сторонников и воинов все народы «на маршруте»: персов, берберов, эллинизированное население Сирии, бывшей римской Северной Африки (родины Августина Блаженного).

Семиты «*поставили шатры Симовы*» — распространили ислам на Ближнем Востоке, в Северной Африке и через несколько «мгновений» (на шкале человеческой истории) рассыпались, раздробились, стали абсолютно беспомощны в военно-государственном отношении. Как тут не увидеть сходство с другими семитами (правда, в другой хронологической последовательности): у евреев сначала был Давид, ведший много войн, которому из-за этого было запрещено строить Храм («Первый Храм»). А разрешено было его сыну — мирному мудрецу Соломону. Он и строил, писал книги, вошедшие в Библию, и... плавно подвел свое царство к развалу, произошедшему сразу после его кончины. И Христос говорил: «Царство мое — не от мира сего».

Не знаю, есть ли лучшее доказательство того, что патриарх Ной (Нух) предсказал главнейшее разделение в топографии мировой истории — разделение государственной и религиозной властей (понимая, возможно, характеры своих сыновей Сима и Иафета). Мусульмане недаром так резко выделяют и обособляют Ар-рашидинов — первых че-

⁴ В античном мире рабами были пленные европейцы, азиаты и лишь ничтожное число экзотики — нубийцы (плененные египтянами, которых, в свою очередь, покорил Рим).

⁵ В тексте Библии оно шло перед «приговором» Ханаану, хамитам. Изменения последовательности требовала логика этой главы.

тырех «праведных халифов», то есть шедших праведным путем: Абу-Бекра (632—634), Омара (634—644), Османна (644—656), Али (656—661). У них и высокие человеческие качества, и полное соответствие миссии потомков Сима, они «ставят шатры» веры. Последующие халифы династий Омейядов и Аббасидов уже разрываются между судьбой «отцов веры» и «держателей империи».

Основатель династии Аббасидов Абуль-Аббас взял себе прозвище Саффâх «Кровопроливец», с гордостью носил (и оправдывал!) его. Только не будем пропагандистами и обличителями: Абуль-Аббас был *не хуже* современных ему средних европейских монархов. Но дело-то в том, что первые четыре халифа были лучше! Они были религиозными вождями, еще не надорвавшими силы в государственном строительстве.

Упомянуть Аббасидов, забыв великопнейшего Харуна ар-Рашида (786—809), было бы несправедливо. На годы его правления пришелся блестящий расцвет культуры, описывая его, невольно вспомнишь сказки «Тысяча и одна ночь». Деятельность всех сыновей Сима сблизает расцвет культуры и искусств (Харун ар-Рашид чем-то напоминает царя Соломона, хотя бы укорененностью в мировой культуре) и — государственный, военный крах. Правда, в халифате он, *крах*, не был так скор, как в царстве Соломона, расколшемся очень быстро при его сыне Ровоаме Соломоновиче. Строгие историки фиксируют: именно великопнейший Харун ар-Рашид, ликвидировав семейство персов Бармеков, своих потомственных визирей, надломил халифат, подготовил персидский сепаратизм. И уже в 821 году в Хорасане воцарилась династия Тахиридов. Это был сильнейший удар по халифату, по самой его попытке выстроить многонациональное государство. Корни хорошо известных сегодня отношений Ирана с арабами, шиитов с суннитами — в той поре.

В итоге с крестоносцами уже воюют тюрки-сельджуки и Саладин. Повелителем правоверных, «защитником святынь Мекки и Медины» становится турецкий султан. И это было не нарушение, а именно *исполнение* предсказанного мирового «разделения труда».

А как в XX веке СССР мучительными усилиями пытался вылепить из арабских государств военные державы! Заваливал танками, самолетами, пушками, направлял лучших военных советников. Козырнув и быстро надев форму песочного цвета, отправляется в Египет герой Великой Отечественной и советско-японской войн генерал Махмут Гареев. Арабские социалисты (баасисты) столь же мучительно пытались объединить хотя бы Сирию с Египтом или Египет с Ливией. Все осталось на бумаге, в том числе — бумаге географических карт: ОАР (Объединенная Арабская Республика). Видимо, для строительства больших армий и империй нужен совсем иной дар, чем для основания религий.

И Советскому Союзу, вздохнувшему над потерей 900 танков («*Это ж Берлин два раза хватило бы взять!*»), приходилось останавливать вышедшую к Суэцкому каналу «израильскую военщину», грозя ей уже собственным «ракетно-ядерным мечом». И мой бывший начальник по РВСН (Ракетные Войска Стратегического Назначения), капитан Бахаев заправляет компонентами и ставит «район» (10 ракет шахтного базирования) на «боевое дежурство», грозящее США и Израилу. Вспомним старую французскую пословицу: «Артиллерия — последний довод королей» — и дополним ее: «...в защите арабов»⁶.

⁶ Иллюстрируя военно-государственную беспомощность «потомков Сима» каскадом поражений арабских коалиций от Израиля (просто микроскопического в 1949 году), готов услышать возражение: «Но ведь арабы бегали — тоже от семитов!» Тут можно вспомнить «генотип и фенотип», а советским военным скромно потупиться. Генетические семиты израильтяне несли печать не семитского,

Семит словно провозглашает: «Религия! Только религия! И ничего, кроме религии!» Его повышенная экзальтированность, взвинченность проступают даже в движениях, в молитвенном трясении евреев и арабов. Не эту ли экзальтированность подметил у Сима еще патриарх Ной, предсказав детям столь разные судьбы?!

Спокойный тюрк, в общем, *не возражает* арабу: «Да, у меня в душе — та же религия. Но еще у меня есть и традиция — адат! И еще собственное понимание службы! Порядка воинского и государственного. Потому *мне* и пришлось защищать тебя от крестоносцев, стать повелителем правоверных и защитником Мекки—Медины». Высшая честность в том, что у тюрка не было и мысли отнять у семита-араба его религиозную миссию. «Потомки пророка Мухаммеда» всегда почитались на Востоке, в тюркских государствах, и в Россию они вошли как весьма уважаемый княжеский род — Сеиды.

Однако честность и объективность не позволят забыть и о нарушениях предреченного мирового разделения — все эти колоритные «религии», созданные *без* семитов: «Мэри-Дэви-Христос», саентология, «бог Кузя», Ассахара (распылявший в токийском метро свой «ладан» — боевой газ зарин). Излишне критиковать эти «попытки», достаточно просто перечислить: «бог Кузя» там еще не самый одиозный. В общем, «державы» семитов столь же слабы, неполноценны, сколь и религии яфетитов.

Целью всего вышесказанного ни в коей мере не является противопоставление яфетитов (россиян, татар) и семитов (евреев, арабов). Мне важно показать, как проявлялся в мировой истории характер народа и к каким древним матрицам поведения и человеческим типам этот характер восходит. А их разделение объективно и несомненно. Разделение, идущее от характеров сыновей Сима, Хама и Иафета, возможно, и есть главная пружина развития человечества. Вспомним диалектику: «Основа развития — единство и борьба противоположностей». И общепризнанное ныне фундаментальное *разделение властей* (исполнительной, законодательной, судебной) тоже восходит к первому разделению человечества: религиозного творчества потомков Сима⁷ и военно-государственного — потомков Иафета. И нынешний глобализм, слияние всех в один (политкорректный) комок — это, кроме отказа от своих национальных лиц, еще и просто «выключение кнопки» ON (или Play) в аппарате Истории.

Несколько неудобно назвать это моим предсказанием, просто упомяну, что «*первого расиста*» патриарха Ноя по разным поводам я упоминаю уже давно. В частности, в 2006-м, в романе «Горящая соль». Там изображен подмосковный военный городок в «лихие 90-е». Зенитные ракеты сняты с боевого дежурства, сданы на металлолом, здания пошли под склады и офисы. Полигон и солдаты ушли в массовки военных фильмов. Офицеры, разношерстные бизнесмены — все выживают, «крутятся». В общем, некое подобие «ковчега». И настроение его командира (главный герой) выражено небольшой стихотворной вставкой о «потопе» и выживании, о скорбных предвидениях нынешней *политкорректности* — мании всесмешения и самопожирания:

Первые поминки на Земле

Ну, приехали. Ой-вэй!
Симчик, выпусти зверей.
«Всякий дышащий» погиб,
кроме них, китов и рыб.

а эсэсэровского отношения к военной службе, дисциплине, доблести, потому так легко громили «семитских семитов» — арабов.

⁷ В «портфолио» которых не только иудаизм, христианство, ислам, но и полтора века называемый то квази-, то псевдорелигией марксизм.

Ужас этот как снести?
 Досчитай до десяти
 И любуйся, рад не рад:
 Радуга и виноград...
 Память как морской песок,
 Виноградный бродит сок.
 Жалко, что ни говори,
 Мир, пустивший пузыри...
 Жизнь — невыносимый дар!
 Вздох. Дыханье. Перегар...
 Хама все равно что нет.
 На конфетку, Иафет.
 Сима и тебя — люблю.
 Хаму ж — рабство. Хлопок. Блюз...
 Брошен я, как смятый лист,
 «Алкоголик и расист».
 И политкорректный век
 Ненавидит мой ковчег.

Да, патриарха Ноя, *первого поделившего людей на расы*, сегодня апостолы политкорректности, либерального глобализма и ВЛМ («Черные жизни имеют значение») окружили бы негодованием, наверняка в своем мелочном стиле припомнив *первому расисту* еще и *первую* пьянку!

Возвращаясь к делам давно минувших дней и упоминая государственные провалы семитских царей и халифов, надо не злорадствовать, а, наоборот, признать: с них был *другой* (более строгий) спрос! Римляне спокойно наводняли свою империю богами, куклами всех покоренных народов, а царю Соломону это не простилось. Если задуматься: что стояло за его знаменитым «Все суета сует!», за превращением царя в проповедника (Экклесиаста)? Или за известной страстью халифа Харуна ар-Рашида к переезданию и гулянию по Багдаду неузнанным, *частным* человеком? (Именно этим сей халиф и известен всему миру). Полный примитив — предположить, что так халиф выявлял недочеты своих подчиненных, как гоголевский ревизор-инкогнито. Вспомните все его приключения: это аналогичное (царю Соломону) желание Харуна ар-Рашида поглядеть на мир глазами не монарха! Подсознательное *утомление* от роли правителя громадного государства. А ведь, похоже, Соломон и Харун ар-Рашид — два *самых знаменитых монарха-семита*, тяготившиеся короной и предопределившие развал своих царств. Жаль, не стали они предметом изучения подсознательных мотивов поведения. Родился бы образ, «архетип» не менее интересный, чем «царь Эдип» у фрейдистов.

Мне довелось беседовать только с одним, но весьма просвещенным арабским деятелем, послом Ирака в России (до войны 2003 года), крупным знатоком Востока, доктором Аббасом Халал Кундуфом. В юности доктор Аббас учился в МГУ. Видный член партии БААС (Партия арабского социалистического возрождения — самая мощная и единственная из партий, действовавшая в нескольких арабских странах). Саддам Хусейн весьма ценил доктора Аббаса. После 2003 года он жил в Москве. Беседовали мы несколько раз и в Академии геополитических проблем (президент Л. Г. Ивашов). В нескольких центральных газетах я опубликовал интервью с доктором Аббасом, посвященные в основном событиям Арабской весны. О сдаче иракскими генералами Сад-

дама Хусейна я его не расспрашивал — и без того телевизионные картинки экзальтированных народных толп на Тахрире и прочих площадях надрывали его сердце. Валившиеся с прискорбной скоростью костяшек домино арабские государства и так тяжелый фон для бесед! Спросил лишь: «Где же новое поколение арабских лидеров, коли уж прежние стали так ненавистны?» Доктор Аббас выразительно махнул рукой: «А-а! У нас сначала свергают. Потом думают, кем заменить!»

Начиная с 2011-го мне довелось опубликовать в СМИ более двух десятков статей, обобщающих опыт Арабской весны. Солидная «Независимая газета», сторонящаяся слишком резких обличений, напечатала серию памфлетов о примитивном, но удачном натравливании арабов. В сутолоке *Арабской весны* быстро забыли самый ее старт — я въедливо напомнил: 18 декабря 2010 года, самосожжение торговца, беспорядки в Тунисе, «крах режима». 18 декабря — вот такие *весенние* «Заметки фенолога»! До самой весны за 2,5 месяца, а все самое кошмарное уже случилось — откуда же «бренднейм»?!

Отыскал в одной из статей того периода и привел первоисточник: у либералов Запада в головах со школьной скамьи прочно засела знаменитая «Весна народов» — цепочка восстаний и революций в Европе 1848 года. Въевшийся штамп. Им бы и августовский, сентябрьский старт, наверно, не помешал притянуть арабскую трагедию к сияющему, «весеннему» бренду! А далее демократизация Сирии, Ливии быстро свелась к «войне каждого с каждым». И военные сводки напоминали таблицы футбольных чемпионатов: «Круговая система... 20 команд, сотни матчей». Об этом эссе «50 оттенков зеленого». Дюжина наблюдений позволила тогда заявить: в сравнении с вами, господа демократизаторы, тот же «товарищ Сухов» («Восток — дело тонкое») — величайший ученый-ориенталист всех времен, недостижимая высота!

Одно общее впечатление выскажу здесь впервые. Цинизм западных натравливателей шел рука об руку с потрясающей наивностью и государственной беспомощностью арабов. Применительно к нынешней теме: когда араб приезжает в Россию — не учиться, как когда-то уважаемый доктор Аббас, а, наоборот, *учить* (!!!), — возникает законное недоверие. Ладно, если учить Корану⁸. А если пробуют учить россиян еще и ГОСУДАРСТВЕННОМУ устройству, как совсем недавно некоторые приезжавшие на Кавказ арабы-террористы (Хаттаб и т. д.) — тут они невольно напоминают учителя чистописания, что провел свой урок и почему-то задержался в классе. А там уже урок физики⁹. И вот он лезет к учительскому столу, перебивает, пытается учить «своей» «чистописательной физике».

«Чистописание» в этом примере не совсем случайно. Ваххабизм, салафизм, «чистый ислам» — как замена всего, в том числе и государства (в том числе и одного известного государства, так долго защищавшего арабов!) Этот урок «чистого ислама» совсем недавно стоил жизни очень многим нашим соотечественникам: русским, татарам, мусульманам, православным, буддистам. Но каждый читавший Коран имеет право уточнить: а «чистый»... от чего? От всех национальных особенностей и традиций? Но они следуют из разделения народов, предсказанного пророком (wa-n-набийна) Нухом (мир ему). Или все же «чистый» от попыток заработать (денег, влияния) на своей монополии по истолкованию Корана, превращению этой монополии во вторую нефть?

Слово депутату Госдумы, академику, лауреату Государственной премии РФ в области науки и техники, а еще правоверному мусульманину, совершавшему хадж, Фа-

⁸ Хотя и в этом случае не у прямого потомка Пророка Мухаммеда (мир ему), а всего лишь у его соплеменника араба нет *изначальных* преимуществ перед российским мусульманином.

⁹ Знатки школьных программ спешно возражат: когда проходят чистописание, еще нет предмета физика. Так, значит, тот учитель очень НАДОЛГО задержался в классе, влез в чужое расписание!

тиху Саубановичу Сибататуллину. Лично беседовать с ним мне довелось очень кратко, подробнее с его книгами: «Какой Бог правильный?», «Татары и евреи», «От Аттилы до президента», «Тэнгрэнство и святой Георгий» — и публиковать рассказ о них в «Независимой газете» и др. Отстаивая свой и своих предков ислам, он едко высмеивает «уроки салафитов»:

— В арабско-салафитском исламе, начиная от похорон, нет установления надгробных памятников, поминальных дней 3, 7, 40, годовщины. Не надо молиться по усопшим родителям, детям, родственникам, друзьям. Умерли — ты их забудь, для тебя самый близкий — это африканский негр, который исповедует арабский салафизм. Традиционный татарстанский ислам отличается от салафизма еще и отношением к женщине. Об этом знает весь мир.

Итак, некий запас наивного непонимания, детской невинности («А что тут страшного, невыполнимого?») нужен для создания империй. Недаром в Библии подчеркнуто: Иафет (Яфас у тюрков) — младший брат в той троице. Не забудем еще деталь: он, Иафет, будет *веселиться (!) в шатрах Сима*. За старшим рождение религий, за младшим — их распространение, «уживание». Ведь строго следуя экзальтированному восприятию Сима, иудей, христианин, мусульманин да и атеист-марксист должны логически довести свое отрицание друг друга до полного (взаимо)уничтожения. Аннигилировать как частицы и античастицы.

Теперь мы приближаемся к опыту империи Чингисхана и ее преемницы России. Реже, чем заслуживает, но все ж признаваемый миром высший пример уживания рекордного числа народов и религий. Правда, выше как антитеза «непрощенному царству Соломона» упоминалась Римская империя. Но, при всех своих *яфетических* достоинствах, Рим христианство не смог принять¹⁰, а до ислама не смог дожить.

От этих конвульсий на родине религий вернемся на простор своей Евразии. Тюрки считали своим прародителем *Тогарму* — внука Иафета (Яфаса). Книга Бытие (Быт. 10:2, 10:3): «*Сыны Иафета: Гомер, Магог, Мадай, Иаван (Элиса), Тувал, Мешех и Тирас. Сыны Гомера: Аскеназ¹¹, Рифат и Тогарма*».

Так по цепочке родословий, проложенных еще Библией, и переходим к... (тут, как выразился Хаджи-Мурат: «Много, очень много есть чего рассказывать. Много дела было»)... к евразийской истории, Кысмету. И не подойдешь лучше, чем студент Казанского университета... Лев Толстой:

— Лорис-Меликов, свободно говоривший по-татарски, сказал, что князь, хотя и знает прошедшее Хаджи-Мурата, желает от него самого узнать всю его историю.

— Ты Расскажи мне, — сказал Лорис-Меликов, — а я запишу, переведу потом по-русски, и князь пошлет государю.

Хаджи-Мурат помолчал (он не только никогда не перебивал речи, но всегда выжидал, не скажет ли собеседник еще чего), потом поднял голову, стряхнув папаху назад, улыбнулся той особенной, детской улыбкой, которой он пленил еще Марию Васильевну.

— Это можно, — сказал он, очевидно польщенный мыслью о том, что его история будет прочтена государем.

— Расскажи мне (по-татарски нет обращения на вы) все с начала, не торопясь, — сказал Лорис-Меликов, доставая из кармана записную книжку.

¹⁰ Точнее, после веков гонения принял. Но это уже при императоре Константине. А Константин, Константинополь — это уже Второй Рим.

¹¹ Имя Аскеназа, заселившего Европу, заимствовали поселившиеся там евреи-ашкенази — это уточняющее географическое определение. НЕ потомки Аскеназа, а проживающие в его стране.

— Это можно, только много, очень много есть чего рассказывать. Много дела было, — сказал Хаджи-Мурат...

Да, «много дела было»...

Восприятие тюрков. Татары и Тартар

Отчего на Западе так любят игру слов Тартар (Ад)/Татария, что увековечили ее на географических картах? В чем причина столь давней ненависти/страха? Ярость бессилия? Батый-хан, преследуя половецкую орду хана Котяна, прошел Венгрию, Чехию, Моравию, Польшу, Хорватию, Северную Италию даже быстрее, чем Россию. Польско-немецкая армия была разгромлена при Лигнице, венгерско-хорватская — при Шайо. Венгры убили принятого ранее Котяна, но это их не спасло, так как прежде они убили монгольских послов, а Яса Чингисхана в этом случае была беспощадна. Непобедимые татаро-монголы воспринимались уже не только как военный соперник. Интеллектуалы той эпохи листали Библию, выискивая объяснение «божьей каре». И вот в чем главная обида, почти трагикомедия: вскоре выяснилось, что Европу прошел, как нож сквозь масло, отдельный монгольский корпус, имевший *третьестепенную задачу!* В то время происходило куда более важное для монголов допокорение Китая, Персии, и только один пункт какой-то там Ясы требовал привлечения, сбора в империю всех тюрков. Уклонение половцев рассматривалось как дезертирство, *и одному из корпусов одного из улусов* (Джучиева) приказали поймать половцев. Те побежали на Русь, значит, надо громить Русь, побежали в Европу — значит, и Европу.

Все европейские (и русские) планы и рейтинги могущества оказались сметены напроць. Папа Иннокентий IV бежал из Рима в Лион, предав анафеме хана Батыя. Правда, бежал он при угрозе со стороны императора Фридриха II, вступившего в соглашение с татаро-монголами. Батый требовал покорности, Фридрих не рискнул отказать. В письме — настоящем шедевре ловкости — император пишет: «Да, я готов служить в свите Батый-хана... например, как знаток соколиной охоты — сокольничим». Но, к счастью императора, подтвердилось, что половцы до Германии не добежали, и его страна сразу потеряла для монголов всякое значение (по-своему даже оскорбительно). Так одна общая папская анафема накрыла Фридриха с Батыем.

Но эти подробности евразного разгрома — вовсе не повод нам кичиться: картина полного разгрома, сепаратных переговоров с татарами на Руси в тот момент была точно такая же. Все глобальные исторические отличия проявятся позже.

Дойдя до североитальянского Удине, куда бежали остатки венгров с уже остатками остатков куманов-половцев, татаро-монголы вдруг так же стремительно исчезли. И не потому, что вдруг обнаружили какое-то там европейское «движение сопротивления», нет, произошло событие неизмеримо *более* важное: в далеком Каракоруме умер великий каан Угедэ! А Яса требовала присутствия на выборах нового каана всех монголов. И они исчезли, оставив смятение в умах. И запустив в европейских и русских умах весьма разнонаправленную мозговую работу.

Словно в уютной кухне папы Карло, за прорванной картинкой в очаге оказалась целая страна! Одни задумались об этой стране (и о неизмеримости мира Божьего, непостижимости путей Его). Другие вознегодовали (и по-своему справедливо!), что кухня стала менее уютной. Да, европеец готов был продираться сквозь неведомое, идти в ту же Азию, но... он *принципиально оказался не готов*, когда вдруг эта Азия сама пришла к нему. Все его величайшие экспедиции — плод *его* расчета. Но когда появляется нечто сметающее все расчеты, рациональная часть его души просто не выдерживает и лопається.

Страх и ненависть Европы к Азии берут начало с тех самых пор. Книга Дитера Гро «Россия глазами Европы. 300 лет исторической перспективы» суммирует сотни геополитических проектов вроде следующего: «От польского короля ожидали, что он разотрет ногами всех москвитов и татар». Да, объединены мы были одним общим западным восприятием, но сам вектор этого восприятия менялся, часто в зависимости от политических нужд.

Например, Лейбниц в 1669 году, в своей книге-памфлете «Образец доказательств», по случаю выборов короля в Польше, объяснял, почему московский кандидат не должен быть избран:

«Москва — вторая Турция, варварская страна. Москвиты еще хуже турок! Ужасы лифляндской войны (Ливонской. — *И. Ш.*) вызывали вопрос: можно ли вообще допустить мысль, что подобные люди являются христианами. Горе нам, если мы откроем им путь в Европу, уничтожив наш форпост — Польшу!»

Далее начались исторические преобразования Петра, крестьян, как известно, приписали к заводам, людей тысячами швыряли со стройки на стройку.

А Лейбниц, горячий (и авторитетный в Европе) сторонник России, продолжал:

«Наша обязанность и счастье состоят в том, чтобы, насколько это в нашей власти, способствовать царству Божьему, которое — у меня нет сомнений — заключается в широчайшем распространении настоящей добродетели и мудрости <...> Одному подобному человеку (речь о Петре I. — *И. Ш.*) влить усердие к славе Божьей и совершенствованию людей значит больше, чем победа в сотне сражений <...> Европа находится сейчас в состоянии перемен и в таком кризисе, в котором она не была со времен империи Шарлемана».

Это 1712 год. Отдадим должное интуиции Лейбница: феерический финиш XVIII века и крах феодальной Европы он предвидел раньше всех. Хотя сам Лейбниц в Россию не переехал, зато переехал Эйлер и еще десятки полезнейших людей, для которых мнение Лейбница много значило. Вместе с введением европейского образования и культуры в России у Лейбница появляется политическая задача — сохранить политическое равновесие, сбалансировать чрезмерное французское влияние немецко-русским союзом: «Царь должен основать русскую академию». В октябре 1711 года они встречаются.

«Я ни в чем не испытывал такой нужды, как в великом человеке, который достаточно хотел бы приняться за такое дело <...> Ваше Царское Величество подобными героическими проектами принесете пользу и благоденствия несчетному числу не только современных, но будущих людей <...> Кажется особым промыслом Божьим, что науки обходят земной круг и вот теперь должны *прийти в Скифию* и что Ваше Высочество на этот раз избраны в качестве инструмента, ибо Вы, с одной стороны, из Европы, а с другой — из Китая берете себе наилучшее; и из того, что сделано обоими, посредством хороших учреждений можете сделать еще лучше. В вашей Империи большей частью еще все, относящееся к исследованию, внове и, так сказать, на белой бумаге, и можно избежать бесчисленных ошибок, которые постепенно и незаметно укоренились в Европе. Известно, что дворец, возводимый совершенно заново, выходит лучше, чем если над ним работали многие столетия, возводя, улучшая и многое изменяя <...> Я считаю небо своим отечеством, а всех людей доброй воли его согражданами, поэтому мне лучше сделать много добрых дел у русских, чем мало у немцев или других европейцев».

Благородные слова. Если использовать математический термин, симпатии Европы тогда определялись градиентом Просвещения, то есть туда, где уровень Просвещения рос быстрее, и устремлялись все надежды и усилия.

В разряде точных прогнозов и письмо о России Губерта Ланге лидеру гугенотов Кальвину: «Если какое-либо царство в Европе должно возрасть, так только это» (сентябрь 1558 года).

О «рабском духе» и нашей свободе от «свобод» еще пойдет речь, а пока отметим свободное от идеологических диверсий и пропаганды мнение Монтескье, который иллюстрирует свою теорию зависимости истории от географии российским примером: «Лишь деспотическое насилие соединяет сегодня вместе все эти обширные пространства». То есть не природное, «генетическое рабство», а следствие размеров государства.

Самые громкие дебаты о России разгорелись с выходом на историческую трибуну двух главных ораторов XVIII века — Вольтера и Руссо. Вот суть их спора.

Руссо: Русские никогда по-настоящему не будут цивилизованы просто потому, что они цивилизовались слишком рано. Петр обладал подражательным гением; у него не было того настоящего гения, который создает и творит все из ничего. Он видел, что у него народ варварский, но он совершенно не понял того, что этот народ не созрел для культуры; он захотел его цивилизовать, тогда как его следовало только закалять для войны. Он помешал своим подданным стать тем, кем они могли бы быть, убеждая их, что они таковы, какими не являются.

Вольтер: Поразительные успехи императрицы Екатерины и всей русской нации являются достаточно сильным доказательством того, что Петр Великий строил на прочном и долговременном основании.

Демократ Руссо видит народ, естественное развитие которого перечеркнул Петр. Собеседник монархов Вольтер видит (на месте народа Руссо) материал для планов просвещенного властителя. Руссо: царь помешал русским стать тем, чем они могли бы быть. Вольтер: военные успехи русских просто поразительны.

И так на протяжении веков, вплоть до наших «классиков-основоположников». Карл Маркс, выступая на митинге в Лондоне, посвященном четвертой годовщине Польского восстания, говорит: «Снова польский народ, этот бессмертный рыцарь Европы, заставил монгола (курсив мой. — И. Ш.) отступить». Это 1867 год, слово-оскорбление (как полагал Маркс, применив его к Российской империи) извлечено с самого дна евросундука.

На пути в Каракорум. Видение и выбор

Тяжело начинался XIII век для России. 1204 год. Четвертый крестовый поход вдруг неожиданно развернулся в сторону нашей «духовной метрополии» — захвачен Константинополь. В 1240-е начались крестовые походы на Русь — уникальный момент в истории, ранее как-то не отмечаемый. Мусульманам, по всем планам крестоносцев, грозило лишь отнятие Иерусалима — Святой земли! Не планировалось идти дальше, например: уничтожать Мекку, Медину, Дамаск, превращать арабов в католиков! А православие, по римским планам, должно было быть уничтожено полностью — от Новгорода до Константинополя.

Русь середины XIII века — данница Батыевой Орды. Орда — в улусе Джучи (Золотая Орда). Улус — в империи Чингисидов, верховный хан (каан) которой сидит где-то в Каракоруме, почти на другой планете. Еще далее, по слухам, какой-то Китай, улус Чингисида Хубилая.

Папа Иннокентий IV прислал к Александру Невскому двух кардиналов. Его булла предлагала, оперируя современными понятиями, «нефть в обмен на продовольствие» — военную помощь в обмен на католичество. Летописи хранят гордый ответ Невского: «Си вся съведаем добре, а от вас учения не приимаем». За Александром — слава военных побед, то, что в Орде чтут более всего. Батый отправил Александра к ве-

ликому хану в Монголию. Гордится своим приемным сыном — побратимом родного сына Сартака. Для Александра это — тяжелое двухлетнее путешествие из Батыева Сарая, до которого и так путь неблизкий, на край света через всю Евразию. Отправился, оставив свои Переславль и Москву, в такие тревожные времена. Едет из маленькой, на самом краю татаро-монгольского континента скорчившейся Руси, цепляющейся за жизнь от набега до набега, через Поволжье, южноуральские степи; пересекает Иртыш, Обь; минует Алтай, Монголию. Едет в этот невероятный Каракорум. Гадает, как его встретит великий хан — господин его господина. И, допустим, где-то между Обью и Енисеем князь вдруг духовным взором видит всю великую, на два года пути, диковинную страну — своей, Русской империей! Видит, что Русь освободится от Орды — вместе с Ордой (в придачу).

Князь Александр видит своих потомков, рассылающих из Москвы воевод на Волгу, на Урал, Иртыш, Енисей. Потом из Санкт-Петербурга отправляющих губернаторов еще дальше. Видит и других, еще более далеких потомков, соотечественников, для которых эта земля, через которую он сейчас едет к «господину своего господина», станет главной опорой, защитой и кормилицей.

Основанием для подобной гипотетической «сцены-видения» служит тот факт, что князь Александр был канонизирован в лике благоверных при митрополите Макарии на Московском Соборе 1547 года. И если понимать это не просто как «награждение посмертно», «присвоение почетного звания», а как признание особых заслуг (это, повторю, не награда!), а особых свойств человека, признанного святым, то подобное видение было возможно. Значит, он мог не только мысленно прочертить на чудском льду стрелки сражения за несколько часов до самого сражения, как просто великий полководец, но, как святой, — заглянуть духовным взором и гораздо дальше. Вплоть, наверно, до 2013 года.

Иго термина «иго»

Иго термина «иго» закончилось в 2013 году. Заменено в учебниках на вполне объективное «татаро-монгольское владычество». Буря, поднятая по этому поводу в СМИ, известна — скучно возражать, даже воспроизводить. Приведу несколько собственных кратких тезисов.

1) «Импортное» происхождение термина «иго» подтвердят филологи. Ведь для этого элемента упряжи всегда были известны и употребимы русские обозначения: *ярмо*, *хомут!*

И вдруг — «иго» (от латинского *iugum*). Кто именно желал подчеркнуть максимально обидный характер подчинения Руси Орде, видно как раз из выбранного и привнесенного ими термина «иго». Это известные наши «польские друзья»: Ян Длугош приблизительно около 1479 года и краковский профессор Матвей Меховский, чуть позже сформулировавший «*iugum barbarum*» (иго варваров) и «*jugo Tartarico*» (иго тех самых тартар). Характерно, что в русских летописях «иго» не встречается.

2) Авторы и покорные юзеры термина «иго» и всей сопутствующей обличительной программы два века то механически, то сладострастно ябедничали: «А русские князья целовали сапог татарского хана!», наивно (?) умалчивая, что те же сапоги ханов целовали и монгольские нойоны. Особенность этикета, символ субординации. А если бы кто-то вдруг стал в ответ ниспровергать польское католичество на основании точно такого же известного ритуала — целования туфли папы римского («А еще они платили церковную дань папе — римское иго!»), тогда можно было бы сказать: «Да, евразийцы опустили до польской аргументации!» Но что-то не припомнить таковых.

Видно, такое примитивное научно-историческое подзуживание — монополярный метод Запада, «сочувствующего горю россиян под игом».

3) Отвергая импортное «иго», не стоит бросаться и в национальную крайность, доказывая, что «монголо-татары — это славяно-скифы, или русы-арии, в общем, европеоиды, а не монголоиды». Даже если Чингисхан действительно был светлоглаз¹² и светловолос, это малозначимо для понимания евразийской цивилизации.

Ключевое слово

А что значимо? В действительности есть «кодовые слова», из которых, как из скрученных пружинками молекул ДНК, неудержимо развернется вся евразийская программа. Эту мощную «пружинную» раскрываемость некоторых слов остро подметил, выхватил один весьма умный, наблюдательный, долго проработавший в Москве иностранец, совершенно не дружественный к России, но зоркий наблюдатель Чарльз Кловер, многолетний шеф бюро газеты «Financial Times» в Москве. О его книге «Черный ветер, белый снег. Новый рассвет национальной идеи» я опубликовал статью в литературном приложении к «Российской газете» и, несмотря на весьма ироничный ее тон, был приглашен в Сахаровский центр на некие «литературные проводы» Кловера, получившего до выхода книги новое назначение — в Пекин, также главой представительства «Financial Times».

Книга Кловера — о возрождении евразийства. А уже в Пекине он вспомнил и давнее московское мероприятие, где впервые зафиксировал произнесенное первым лицом государства «ключевого слова». Подробно процитирую картинное воспоминание Кловера:

«Ежегодное обращение Владимира Путина к Федеральному собранию в Георгиевском зале Кремля представляет собой фестиваль сверкающей хрустальной роскоши в прямом эфире. Более 600 должностных лиц заполняют зал шиком своих костюмов: модные дизайнерские костюмы, головные уборы национальных меньшинств, похожие на башни прически, платья от Шанель, рясы, тюрбаны, погоны и галуны, а также нелепо высокие форменные фуражки. Неуклюже сидя на белых стульях с жесткими спинками, чиновники знают, что собрались на изнурительный трехчасовой урок ораторского искусства.

Тщательно отобранные представители российской элиты знают, что их положение, состояние, собственность и будущее зависят от этого человека. Они знают, что предстоящая речь будет содержать важные намеки на то, какую форму примет их будущее.

В декабре 2012 года все следили, как Путин, выглядевший нездоровым, справится со своей речью, но никто не обратил внимания на самое важное в том выступлении: мимолетное упоминание латинского термина в русской форме, прозвучавшее примерно на пятой минуте выступления:

„При этом хочу, чтобы все мы отчетливо понимали: ближайшие годы будут решающими, — сказал Путин, привычно намекая на грядущие катаклизмы. — Кто вырвется вперед, а кто останется аутсайдером и неизбежно потеряет свою самостоятельность, будет зависеть не только от экономического потенциала, но прежде всего от воли каждой нации, от ее внутренней энергии; как говорил Лев Гумилев, от пассионарности, от способности к движению вперед и к переменам“.

Упоминание в речи Путина историка Льва Гумилева и странного слова „пассионарность“ мало что значит для непосвященных, но тем, кто знаком с консервативными националистическими теориями, пробившимися в российскую политику после окон-

¹² Имя его рода Борджигины значит «сияющие серые глаза».

чания холодной войны, оно сказало очень многое. Это был классический кремлевский сигнал, того типа, который в США называют „собачий свисток“, то есть послыл, который использован для обращения к определенной группе, и, кроме нее, никто не поймет его истинное значение. Путин дал понять, что некоторые круги могут опереться на его понимание и поддержку, причем, не имея возможности сделать такое заявление открыто, он сделал это в двусмысленной форме.

Слово „пассионарность“ не поддается простому переводу, но те немногие, кто знал его происхождение, немедленно обратили на это внимание. Через семь месяцев после возвращения на пост президента Путин послал элите тонкий сигнал о том, что с ним в Кремль прибыли новые идеи. Идеи, которые всего несколько лет назад казались маргинальными или безумными, неожиданно проявились в самой важной речи Путина в том году. Вместо мягкого, гражданского патриотизма двух предшествующих десятилетий, Путин стал продвигать бьющий себя в грудь национализм с воинственными ценностями в виде жертвенности, дисциплины, преданности и бесстрашия.

Путинское определение „пассионарности“ (термин образован от латинского слова „passio“) носило отчасти научный характер. „Способность к движению вперед и к переменам“ — это один из путей объяснить то, что имел в виду Гумилев, хотя правильно также сказать „способность терпеть страдания“. Это была аллюзия на Новый Завет и распятие Христа, о которых грезил Гумилев во время 14-летнего заключения в сибирском лагере. Работая на прокладке Беломорканала в 1939 году, где заключенные массово погибали от переохлаждения и истощения, Гумилев изобрел термин „пассионарность“. Как он объяснил в своей книге „Этногенез и биосфера Земли“, написанной в 1979 году и ходившей в самиздате до 1989 года, главным признаком величия служит самопожертвование.

Видя заключенных, вынужденных жить, как звери, чтобы выжить, он пришел к выводу, что моральные принципы, дружба и братство служат не признаком человеческого прогресса, а представляют собой инстинктивное побуждение, во все времена отличавшее людей от животных».

Продолжу цитату кратким, но точным пересказом. Кловер пишет: Гумилев заметил, как заключенные, вынужденные жить, как звери, проявляли высочайшую взаимовыручку, жертвовали собой ради товарищей, что и показывало их человеческую суть и пассионарность.

И снова цитирую Кловера дословно: «Гумилев приобрел известность как специалист по кочевым народам степей Евразии: скифам, хунну, гуннам, тюркам, киданям, тангутам и монголам. Их история представляет собой не прогресс просвещения и благоразумия, а бесконечный круг миграции, завоевания и геноцида. Каждые несколько веков кочевники вылетали из степей, разрушали процветающие страны Европы, Ближнего Востока и Азии, после чего растворялись в тумане истории так же быстро, как и появлялись на исторической сцене. Из борьбы выходили победителями не те общества, кто лидировал по богатству, технологиям или просвещенности. Нет, победители отличались чем-то вроде *virtù*, описанного Макиавелли, боевого духа или воинственности. Арабский средневековый философ Ибн Хальдун называл племенную солидарность кочевников, грабивших цивилизованные города, термином „асабия“. Гумилев предложил „пассионарность“.

Тоска по родине, травма от большевистской революции привели в 1920-е годы русских эмигрантов к отрицанию возможности превращения России в западную, буржуазную страну. Они считали, что Просвещение, как форма европейских социальных теорий, принесло России только геноцид и разрушение, тогда как в дикой жизни гуннов, тюрков и монголов была гармония. Степи и леса внутренних районов континен-

та традиционно стремились собраться под одним знаменем имперского завоевания. Они — и Гумилев — считали русских последним воплощением этого континентального единства, существующего вечно».

Я умышленно оставляю кловеровское определение «пассионарности». Устойчивому термину не может повредить его произнесение, объяснение сторонним человеком. Кловер здесь вполне добросовестный интерпретатор, хотя стоит за ним весь собирательный Запад, удивленный, негодующий: «Мы упускаем Россию! Из-за какого-то евразийства. Из-за этой... м-м... пассионарности!»

В нескольких СМИ мне довелось вести многолетнюю полемику с коллегами Кловера, а возглас «Мы упускаем Россию!», вынесенный в заголовки ведущих западных газет, повторенный на разные лады, можно отыскать в архивах сайта «Иносми» и других.

Следующие положения евразийства, того, что объединяет русских и татар (в самом широком, от Москвы, Татарстана до Татарского пролива, значения), я приведу в собственном понимании.

Судьба Льва Гумилева — прекрасный повод задуматься о Судьбе вообще. Не знаю, примелькались ли на этих страницах частые упоминания Судьбы, Кысмета, но вот пример их действия, невидимой работы, в итоге проявившейся так зримо. В Казахстане стоит памятник Льву Гумилеву с надписью: «Русскому человеку, всю жизнь защищавшему татар от клеветы». В магазинах — километры полок его книг. А в странах Евразии — миллионы евразийцев (уже не только в географическом значении слова). Кто сдвинул эту тектоническую плиту? (Голая физика, механика предполагает за огромными событиями столь же огромные, сравнимые причины.) Мощная партия, влиятельные, «уверовавшие» академики, политики? Нет! Один несчастный, бесправный эзк, заброшенный на самую окраину жизни, сын расстрелянного поэта и опальной, бездомной поэтессы...